

Спустя шестнадцать часов Астрономическая станция мониторинга SWEEPS-98167[7] наконец завершила оборот вокруг своей оси, и багровые сумерки вновь сменились россыпью бесчисленных звезд. За это время Герс успел обойти все помещения станции вдоль и поперек и даже наткнулся на душевую, где с наслаждением смыл дорожную пыль под горячей водой. Он понятия не имел, что именно Эрвин вкладывал в туманное «когда придет время, я тебя отпущу». Сколько продлится это «время»? День? Год? Или целое столетие?

В конце концов, изнывая от смертельной скуки, лейтенант вернулся в главный зал.

Здесь ничего не изменилось. По-прежнему тускло светили бледно-голубые лампы, на огромном обзорном экране все так же стремительно мелькали бесконечные строчки кодов, а Эрвин Герман сидел на своем месте, глубоко погрузившись в раздумья.

— Эй, — Герс несильно пнул замершего рядом антикварного робота. — Ты же искусственный интеллект. Мог бы и сам попытаться разрядить обстановку, не находишь?

Машина послушно вытащила из паза два пакета с питательной смесью:

— Прием пищи стимулирует выработку допамина, господин Герс Шлиффен. Пожалуйста.

Герс вздохнул, глядя на утрированные, почти человеческие гримасы старого робота, и обошел его стороной.

— Что на этот раз? — Эрвин со вздохом приоткрыл глаза, поняв, что притвориться спящим не получится.

— Поболтаем? — Шлиффен бесцеремонно устроился на краю пульта управления, перекрыв собой обзор на экран.

— Поболтаем? — сухо переспросил профессор.

— Ну да. Расскажи, например, за какие грехи тебя замели? И как умудрился сбежать? Сгодится любая история. Я пытался пробить тебя по базам «Оуэна», но там абсолютно ничего нет.

— Вы из уголовного розыска?

— Я надзиратель... И не надо улыбаться, господин Герман. Мне кажется, даже если между джентльменами нет дружбы, базовые приличия соблюдать стоит.

Эрвин тут же посерьезнел:

— Прошу прощения. Действительно, некрасиво вышло.

— Тебя в прежней тюрьме... не насиловали? — прямо спросил Герс.

— С чего такие выводы? — Эрвин удивленно приподнял бровь.

— Ты сначала смотрел на меня как на потенциального насильника. Сейчас, правда, взгляд изменился. Наверное, думаешь:

«Этот альфа не похож на тех озабоченных ублюдков. Если буду держать дистанцию, он ко мне не полезет»

— Оценю ваше чувство юмора, — Эрвин невольно усмехнулся. — Но нет, до этого не доходило. В той тюрьме я содержался в полном одиночестве, так что вы фантазируете.

— Да ну? Сколько помню, у Федерации отродясь не было одиночных тюрем подобного типа.

— Должно быть, преступникам первой категории положены особые привилегии.

— Ты сейчас выглядишь чертовски довольным, — Герс внезапно подался вперед, вглядываясь в его темные глаза. — Совершил нечто выдающееся, чем до сих пор гордишься? Пустил в расход толпу народа? Или развязал войну? — Лейтенант выдержал паузу. — Ладно. Вижу, что мимо.

— Вы тоже кажетесь себе победителем, — Эрвин отвел взгляд. — И в чем же удовольствие? Ловить людей на лжи? Профессиональная деформация?

— По крайней мере, я на своих двоих, в отличие от некоторых, так что на здоровье не жалуюсь, — Герс прыгнул с пульта, его лицо помрачнело. — Этот мир вообще соткан из фальши, не только тюрьмы. Врать — естественная потребность человека. Распознавать чужую ложь — тоже, господин Герман.

— Если мы хотим продолжить этот разговор, нам определенно стоит сменить тему на более нейтральную.

— Ладно. Твои предложения? — Шлиффен снова облокотился на пульт.

— Ну, например, — Эрвин смягчил тон. — Когда вы планируете лечь спать?

Герс промолчал, набычившись.

— Не злитесь. Вы бодрствуете и гремите тут уже без малого двадцать часов. Пожалейте

хрупкого, слабого омегу...

Ответом ему стал оглушительный грохот захлопнувшейся двери.

— Он обиделся, — констатировал антикварный робот, поворачивая голову вслед ушедшему лейтенанту.

— И чем он тут занимался, пока слонялся без дела? — спросил Эрвин.

— Пытался восстановить связь, искал взлетную палубу для мехов и аварийные шлюзы. Кроме того, заблокировал все выходы подручными средствами. Желаете, чтобы я расчистил проходы?

— Нет, оставь как есть, — Эрвин ненадолго задумался. — Переведи меня в онлайн-режим. Нужно войти в военную сеть.

Военная сеть начала оживать к утру восемнадцатого июня семь тысяч семнадцатого года по общему календарю. С санкции федерального правительства флагман космического флота ВК-ВИБ немедленно ложился на обратный курс к туманности NGC-7674. До того момента, как гигантский корабль выйдет к сверхмассивной черной дыре вблизи Титана, у технических служб оставалось всего восемнадцать стандартных часов, чтобы закрыть бреши в системе безопасности.

Благодаря титаническим усилиям военного ведомства уязвимости удалось сократить до критических шести процентов. Однако ликвидировать этот остаток без прямого вмешательства Ассоциации академий было невозможно. Флагман ВК-ВИБ, летящий на полной скорости к черной дыре, даже не думал замедлять ход. Маршал Йоханнес Зект не сомневался в успехе ученых: на этот раз Ассоциация делегировала саму Анни Шуберт. Это должно было стать их первым серьезным ходом в противостоянии с Эрвином Германом.

В восемь часов утра по времени Титана капитан Галин со своей группой сопровождения уже стоял наготове. Для этой миссии им выделили самый быстроходный челнок из имеющихся — «Светлячок». Пунктом назначения была заброшенная планета Фамагуста, расположенная в непосредственной близости от Титана. Обыватели о ней даже не слышали: существование этого сектора оставалось строго охраняемой тайной военных и Ассоциации академий.

— Когда-то Фамагуста служила главным вычислительным центром, созданным Ассоциацией совместно с военным ведомством, — объясняла Анни Шуберт. — Именно там хранится военный прототип системы «Оуэн». На общем совете мы пришли к выводу, что Эрвин Герман мог взломать эту архивную модель. Наша задача — провести ее точечный демонтаж.

Женщина-ученый выглядела изнуренной, под ее глазами залегли темные тени — видимо,

выспаться прошлой ночью ей так и не удалось.

— А почему его не демонтировали раньше? — подал голос лейтенант Эрик.

— У нас не было уверенности в безопасности этой процедуры, — ответила Анни. — Все глобальные версии системы «Оуэн» неразрывно связаны друг с другом. Хотя прототип давно не участвует в обработке логических процессов, он продолжает сосуществовать с новыми версиями в едином поле. Я до сих пор не могу с точностью предсказать, какие необратимые последствия для всей сети повлечет его физическое уничтожение.

Солиманс и трое его товарищей переглянулись — сухой научный язык давался им с трудом.

— Так каков наш план? — спросил он.

— Без паники, переходим к боевой задаче, — капитан Галин жестом призвал бойцов к порядку. — Сила тяжести на Фамагусте вчетверо превышает стандартную земную, так что перемещаться мы будем исключительно на мехах. Наш десантный борт сядет в шестидесяти километрах от подземного командного пункта старого военного ведомства. Весь этот отрезок мы пройдем маршем. Картрет идет в авангарде на разведку. Дуглас и Брэдли обеспечивают фланговое прикрытие. Мы с лейтенантом Эриком и Солимансом держим периметр вокруг вице-председателя Шуберт. Эти шестьдесят километров до бункера будут сущим адом.

Капитан вывел на тактический дисплей трехмерное изображение монстра.

— Знакомьтесь: складчатожаберный многоног. Взрослая особь достигает восемнадцати метров в длину, что почти вдвое больше высоты нашего меха. По последним разведанным, планета буквально кишит этими тварями.

— На картинке выглядит терпимо, — хмыкнул лейтенант Эрик. — Меня больше пугает соседство со светилом науки. В любом паршивом хорроре именно яйцеголовые первыми творят какую-нибудь херню, от которой потом всем тошно. Эти их научные эксперименты пострашнее любых тварей будут. Надеюсь, вернемся назад в одном куске.

Стоило ему договорить, как десантный отсек взорвался дружным хохотом.

Анни Шуберт шутку не оценила.

— Складчатожаберные многоноги — существа стайные и вполне разумные, — сухо отчеканила она. — Файл с описанием их поведенческих паттернов весит шестнадцать гигабайт. До посадки осталось четыре часа. Настоятельно рекомендую изучить его, пока есть время.

— Эй, вы куда? — улыбнулся Галин. — Неужели обиделись?

— Есть немного, — Анни передразнила лейтенанта Эрика, утрированно пожав плечами. — Ищущий приключений ученый хочет сменить обстановку. У меня осталось четыре часа, и я предпочту провести их в тишине, еще раз штудировав технические карты управления мехом.

— Ну и стервочка... — протянул Эрик, глядя ей вслед. — Галин, и на это сокровище ты запал?

— Именно так, — капитан серьезно кивнул.

— Боже... — Эрик скривился в притворной судороге. — Картрет, брат, колись: если бы пришлось выбирать жену, кого бы ты взял — эту дамочку или складчатожаберного многонога? — С этими словами он полез в бортовой мини-холодильник. — Так, а где тут бухло?

— На борту действует сухой закон, господин Эрик! — переборка соседнего отсека приоткрылась ровно на ширину ладони, и оттуда донесся язвительный голос Анни.

— Я выбираю многонога, — подал голос обычно неразговорчивый Картрет с абсолютно серьезным выражением лица.

Спустя четыре часа «Светлячок» вышел на орбиту Фамагусты и сбросил десантный борт. Тяжелый челнок, несущий в своем трюме семь боевых мехов, нырнул в плотную, багровую атмосферу планеты. Старая посадочная площадка давно пришла в упадок, но ее автоматика все еще вяло функционировала. С сильной тряской и скрежетом десантный борт коснулся оплавленного бетона.

Их боевые машины — «ТАСК Шершень» — представляли собой передовые легкие мехи на службе Федеративной Республики. Оснащенные новейшими биочипами на сверхпроводящих кремниевых соединениях, они моментально отзывались на тончайшие импульсы пилотов. Подвижность, огневая мощь и автономность делали эту модель идеальной для самых жестких условий. И все же капитан Галин не спешил расслабляться.

— Запустить радары активного сканирования, — скомандовал он в общий канал. — Температура тел многоногов совпадает с фоновой температурой планеты, тепловизоры бесполезны.

— Координаты синхронизированы, курс проложен, — отозвался шедший первым Картрет.

— В радиусе трех километров чисто, капитан, — отчитался Брэдли, завершив круговой мониторинг.

Поверхность Фамагусты представляла собой выжженное плато из багрового песчаника, изъеденного эрозией. Яростные порывы ветра то и дело поднимали тучи ржавой пыли, застилающей обзор.

— Принято, — Галин активировал гидравлику шлюза. — Анни, выходим.

Челнок выгрузил последний мех, захлопнул створки и с ревом двигателей ушел в небо, возвращаясь на орбиту к «Светлячку».

Они остались одни посреди этой безжизненной, красной пустыни.

Военная техника не баловала комфортом. Мощные электромагнитные импульсы кремниевых процессоров отдавались ноющей болью в висках Анни, вызывая тошноту, но она упрямо вела свою машину в общем строю.

— Как вы там? — Галин переключился на приватный канал. — Если кружится голова, дышите глубже. В крайнем случае отключите визор на пару минут, я поведу вашу машину на буксире.

— Все в порядке, — глухо ответила она.

— Внимание, отряд, — капитан вернулся в общий эфир. — Выдвигаемся за пределы посадочной зоны. Оружие к бою.

Эрик залихватски свистнул в микрофон:

— Начинается самое веселое. Говорят, человечина для этих многоногов — лучший деликатес. Для них мы с мехом — единое целое, консерва с мясом. Вскрывают броню, как раковину устрицы, и высасывают изнутри.

— Тогда поберегите свой панцирь, лейтенант, — отозвалась Анни.

— И вы свой берегите, профессор, — Эрик мгновенно переключился на скрытый канал связи с командиром. — Командир, не переживай. Если представится шанс спасти прекрасную даму, мы сделаем вид, что заняты, и уступим эту сцену тебе.

— Угу, спасибо, благодетели, — проворчал в ответ Галин.

— Лейтенант, — голос Анни ворвался в закрытый канал с оглушительной громкостью. — У меня есть мастер-ключи ко всем частотам этой миссии. Не советую шептаться за моей спиной.

— Мать твоя... — Эрик инстинктивно дернул головой, едва не оглохнув от визга в наушниках.

Капитан Галин кашлянул, скрывая смешок:

— Ну... в общем, вы поняли. Всем машинам — набрать высоту. Мы вышли за безопасный

периметр. Держать строй, круговая оборона.

Тяжелые мехи взмыли над каменистой пустошью, рассредоточившись в небе.

— Командир, фланги фиксируют тепловые аномалии, — доложили идущие по краям Дуглас и Брэдли.

— Картрет, что впереди? — запросил Галин.

— Твари прут со всех сторон. До границ Района старого военного ведомства еще пятьдесят километров.

— Вижу визуальный контакт, больше двадцати особей! — крикнул в эфир Дуглас. — Их число растёт каждую секунду!

— Разомкнуть строй! — скомандовал Галин Эрику и Солимансу.

Эскорт вокруг Анни мгновенно рассеялся, завязывая бой на подступах. Рядом с машиной ученого остался только мех капитана.

— Анни, держись! — крикнул Галин.

Прежде чем она успела сообразить, что происходит, Галин перехватил управление ее системой. Их мехи синхронизировали движения, и машина Анни заложила крутой вираж, уходя от лобового столкновения. В то же мгновение мимо пронесся огромный обрубок щупальца, сочащийся дымящейся, обжигающей слизью, и с грохотом рухнул прямо туда, где она только что находилась.

— Красиво ушли, кэп! — Эрик лихо повернул турель своего рельсотрона и всадил снаряд в тушу нападавшей твари. Восемнадцатиметрового монстра разорвало изнутри, и его ошметки разлетелись по склону.

— Их здесь немерено! — тяжело дыша, выкрикнул Солиманс, выжигая лазером очередную бронированную конечность.

Складчатожаберные многоноги напоминали гигантских безликих осьминогов, чьи усаженные костяными шипами щупальца росли прямо из ненасытной пасти. Пищи на выжженной Фамагусте вечно не хватало, поэтому едва один мех уничтожал тварь, как на запах свежей крови и падали сползались десятки других особей. Разогретые выстрелами рельсотронов туши еще дымились, но новоприбывших хищников это не пугало: они с яростным чавканьем вгрызались в останки сородичей. От возбуждения их багровые тела покрывались ядовитыми испарениями, а синие пятна на чешуе начинали фосфоресцировать, представляя собой поистине тошнотворное зрелище.

— Не ввязываться в затяжной бой! Набрать предельную высоту! — скомандовал Галин, увлекая за собой заблокированную машину Анни.

— Капитан, мы и так на пределе! Если поднимемся еще выше, ваша сияющая задница станет отличным ориентиром для каждой твари на этом полушарии! — предупредил Эрик.

— Разберемся, — хмыкнул Галин. — Картрет, сколько до развалин Старого военного ведомства?

— Двадцать пять километров до городской черты. До точных координат подземного входа — чуть больше двадцати шести, — ответил авангард.

Когда-то старое военное ведомство представляло собой колоссальный мегаполис, обеспечивавший кровом и провизией полмиллиона человек. В те времена человечество безжалостно зачистило Фамагусту от местной фауны, поставив многоногов на грань вымирания. Однако стоило людям покинуть планету, как пустые бетонные джунгли превратились в «мертвую зону», и дикие хищники вновь вернулись, став полноправными хозяевами брошенных руин.

На открытой равнине медлительные твари были легкой мишенью. Но в лабиринтах полуразрушенных кварталов, умея маскироваться под текстуру стен и просачиваться сквозь узкие расщелины, они становились смертельно опасными противниками.

— Сменить перегретые стволы перед входом в застройку, — скомандовал Галин.

— Дистанция до руин — один километр, командир.

— Внимание. Перехожу на сенсорное слияние, — Галин вогнал нейроконнектор в гнездо на затылке. — Анни, сейчас тряхнет. Постарайтесь не отключиться от перегрузки.

Вспышка острой боли прошила сознание Анни, заставив ее охнуть. Спустя мгновение стальные переборки кабины словно растворились. Перед глазами возникла панорама полного обзора: она будто летела в воздухе на бешеной скорости, ощущая кожей упругие потоки ветра, несущие ржавую пыль Фамагусты. Из тумана один за другим выплывали колоссальные скелеты мертвых зданий.

Повернув голову, она увидела идущего параллельным курсом лейтенанта Эрика. Его мех навскидку выстрелил в выскочившую из подворотни тварь — снаряд разорвал пасть хищника изнутри, окрасив серый бетон брызгами зловонной красной лимфы.

Многоноги прибывали. Городские особи оказались куда хитрее своих степных сородичей: они мгновенно сообразили, что одна из стальных машин в строю идет без оружия и не отвечает на атаки.

— Сколько до бункера? — выдохнула Анни через силу.

— Восемьсот метров. Навожу транспондер.

— Берегись!

Из-за угла полуразрушенного высотного здания внезапно выметнулось исполинское шипастое щупальце. Мех Анни, шедший крыло к крылу с командиром, зацепился за него и потерял равновесие.

Галин открыл ураганный огонь, но тварь действовала осторожно, пряча уязвимый зев за углом. Обычные попадания по плотной шкуре конечностей лишь злили ее.

— Птичка выпала из гнезда, — хладнокровно констатировал Эрик и тут же бросил своего «Шершня» в крутое пике вслед за падающей машиной Шуберт.

Сопряжение с нейросетью капитана спасло ей жизнь. В метре от земли мех выровнялся, выполнил амортизирующий кувырок и относительно мягко приземлился на ноги.

Но место оказалось ловушкой — узкий тупиковый переулочек зажимал маневренность машины в тиски. Будто ожидая этого момента, из темных проломов стен на беззащитного меха поползли сразу пять голодных многоногов.

— Профессор, дай мне доступ к твоему нейроинтерфейсу! Живо! — Эрик с ходу срезал двух тварей, но стволы его рельсотронов заклинило от перегрева. Ругнувшись, он выхватил тяжелый вибронож. — Скорее! Нам нужно убираться отсюда!

На тактическом экране красные маркеры множились в геометрической прогрессии — в радиусе километра стягивалось не менее сотни хищников. Глядя на эту зловещую сыпь на радаре, лейтенант потерял остатки хладнокровия:

— Шуберт, мать твою, дай коннект!

Но Анни не отвечала. Вместо этого ее безоружный мех, неуклюже переставляя тяжелые металлические опоры, рванулся вперед по переулку.

— Она идет на прорыв к шахте бункера! — выкрикнул Картрет, и в его обычно бесстрастном голосе прорезалась паника.

Точка входа располагалась прямо в конце этого проклятого лабиринта, на небольшой открытой площади.

— Стоять! Назад! — Эрик бросил мех наперерез, не обращая внимания на хлещущие по броне когти.

Они не успевали. Три колоссальные твари навалились на бегущую машину Анни разом, повалив ее на колени, а одна из них с хрустом сомкнула челюсти прямо на бронеколпаке кабины.

— Анни! — Эрик с разбега вогнал жужжащий вибронож по самую рукоять в пульсирующую плоть монстра. — Дай управление, дура! Сгоришь ведь!

Раненый многоног издал оглушительный ультразвуковой свист и мертвой хваткой обвил машину лейтенанта шипастыми отростками.

— Анни! — сверху, поливая площадь огнем, наконец пробился Галин.

Ее мех не имел вооружения. Мощные челюсти хищника продолжали сжимать кабину пилота — еще пара секунд такого давления, и многотонная гидравлика просто лопнет, раздавив человека внутри.

— Да пошли вы все к черту! — яростный крик Анни разорвал эфир.

Она так и не открыла доступ пилотам. Вместо этого женщина на пределе возможностей выжала тумблеры маневровых дюз. Двигатели меха взревели, и ослепительный факел пламени из сопел ударил прямо по прижавшимся к ней чудовищам. Волоча за собой обгоревших тварей, машина Шуберт буквально поползла вперед на одной чистой тяге.

Вопли раненых монстров послужили сигналом для всей остальной стаи — твари хлынули на площадь сплошным копошащимся ковром.

— Всем силам — стянуться ко мне! Очистить сектор! — кричал Галин, отчаянно пытаясь пробиться к Анни, но волна за волной багровые туши преграждали ему путь. Расстояние между ними казалось непреодолимым.

Картрет спикировал к земле, расстреливая монстров в упор. В этот кошмарный миг время словно замедлило свой ход: сквозь хаос извивающихся шипастых щупалец и дыма пилоты видели, как изуродованный, лишенный оружия мех Анни с невероятным упрямством ползет к центру площади, неся на своей броне двух терзающих его монстров.

И когда она наконец рухнула на плиту центрального терминала, под ее весом вспыхнули синие неоновые огни аварийных маяков.

— Она... она вводит код авторизации! — в ужасе заорал Эрик. — Эта безумная тварь сейчас откроет шахту! Она же впустит этих чудовищ внутрь!

Со скрежетом многотонные стальные плиты Подземного командного пункта старого военного ведомства начали расходиться в стороны. На мгновение над площадью повисла мертвая тишина.

Но вместо темноты из бездны шлюза донесся нарастающий леденящий шорох. Вместе с ним на поверхность вырвался поток ледяного воздуха. Почуввав неладное, складчатожаберные многоноги внезапно замерли и начали испуганно пятиться назад.

Однако было поздно.

Из открывшейся бездны лавиной хлынули миллионы крошечных металлических существ, похожих на угловатых механических пауков. На невероятной скорости они покрыли собой туши ближайших монстров. Их лапки, острые как бритвы, мгновенно разрезали плотную кожу хищников, и механический рой начал заживо вгрызаться внутрь живой плоти.

— Знакомьтесь, это насекомые Гатлинга, — раздался в эфире усталый, но торжествующий голос Анни. — Лучший подарок Ассоциации нашему доблестному министерству обороны.

Не прошло и десяти секунд, как огромный восемнадцатиметровый монстр превратился в грудку мелко нашинкованного мяса. Из его останков с тихим жужжанием вырывались новые тучи механических чистильщиков, бросаясь на следующие цели.

Складчатожаберные многоноги, не знавшие равных на этой планете, оказались абсолютно бессильны. Паника охватила стаю, и уже через пять минут площадь была девственно пуста — от чудовищ не осталось даже костей.

Потрёпанный отряд наконец собрался в круг около шахты. К счастью, все были живы и относительно целы.

— Сумасшедшая баба, — резюмировал Эрик, отдуваясь в кабине.

— Галин... — изувеченный мех Анни бессильно завалился на бок. — Кажется, я все-таки сломала руку.

— А она мне нравится, — внезапно подал голос угрюмый Картрет.

В канале повисло гробовое молчание.

На этот раз Анни беспрепятственно пустила командира в свои системы, позволив Галину активировать реанимационный блок ее кабины. Пользуясь моментом, капитан негромко выговаривал ей на приватной частоте:

— Вы могли предупредить нас о ловушке с насекомыми Гатлинга. Эти мехи создавались под физиологию альф. Бетам такие перегрузки противопоказаны.

Ее голос, все еще дрожащий после пережитого шока, звучал непривычно тихо:

— Простите... Просто я...

Договорить она не успела. Динамики их шлемов внезапно взорвались статическим треском. Сквозь хрип и белый шум откуда-то из глубины открывшейся шахты пробился чужой, искаженный помехами голос:

—... Трус!.. Но я...

В то же самое мгновение на Астрономической станции мониторинга SWEEPS-98167[7] Эрвин Герман резко открыл глаза и разорвал ментальную связь. Наваждение рассеялось.

— Ивэнь,ними разъемы, пожалуйста.

Старый робот послушно протянул свои суставчатые металлические манипуляторы и аккуратно извлек кабели нейроинтерфейса из гнезд на спинке самоходного кресла профессора.

— Готово, господин Герман... Позвольте спросить, что вы имели в виду под «трусом»?

Эрвин проигнорировал вопрос.

— Когда очнется наш дорогой тюремщик? — спросил он вместо этого.

— Судя по показаниям трехчасовой давности, он погрузился в глубокую фазу сна. Думаю, у него в запасе еще около часа. Его мозговая активность сейчас крайне нестабильна. Полагаю, ему снится, что вы его препарируете.

На самом деле лейтенанту снилось совсем другое.

Ему виделся колоссальный кольцевой паноптикум, лабиринт бесконечных изогнутых коридоров. По этим переходам взад-вперед сновали его коллеги-надзиратели, вполголоса обсуждая рабочую рутину. Сам же Герс сидел за столом в самом конце бесконечной галереи и никак не мог подняться на ноги, словно прирос к стулу. Кофе в его кружке давно остыл и покрылся пленкой. Он отчаянно пытался позвать кого-нибудь на помощь, но не мог вспомнить ни одного имени. Голова раскалывалась от тщетных усилий, и в конце концов этот тупой спазм

вытолкнул его в реальность.

Герс уже забыл, когда в последний раз видел сны. Разомкнув тяжелые веки, он не сразу сообразил, где находится.

Тело нещадно ломило после отдыха на продавленном жестком матрасе. Кое-как упершись ладонями в койку, он сел и шумно выдохнул, пытаясь прийти в себя.

Эта крошечная каюта определенно не проектировалась под габариты взрослого альфы — здесь едва хватало места, чтобы развернуться. И все же это была полноценная жилая комната: помимо узкой кровати, в углу примостился покосившийся письменный стол.

Столешницу покрывал толстый слой серой пыли. В углу сиротливо лежала стопка пожелтевших астрономических карт. Герс безразлично перебрал их — ничего интересного. Из круглого иллюминатора лился холодный звездный свет, падая на изголовье постели. Там, за обшивкой, лейтенант заметил застрявший прямоугольник плотной бумаги. Это оказалась старая бумажная открытка — настоящий раритет в их век.

Он аккуратно вытащил ее и стряхнул пыль.

На лицевой стороне было изображено бескрайнее синее море. Полный штиль. На скалистом мысу высился одинокий маяк, чей теплый луч прорезал бархатную тьму, усыпанную мириадами далеких галактик. В левом углу аккуратным, летящим почерком на общем языке была выведена короткая фраза:

«И все же я люблю этот мир»

— Эрвин Герман, сентябрь 6946 года.

<http://bllate.org/book/18311/1756265>